

East Slavic Peoples of Poland: Religion and Nationality (intersection trajectories in the historical context)

A. V. Uriadova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-188-197

Research article
Full text in Russian

The traditional view is that religion is one of the most important elements in the acquisition and preservation of identity by different nations. In the modern world, this pairing is changing connection with the formation of a civilized nation and a civil religion. Recently appears a concept according to which both religion and nationality are ideologies, which also causes their interaction and interpenetration, but on a different level. The question of whether religion is a defining, distinctive feature of a nation worries not only theorists. It finds its refraction in the practical plane and in the life of different nations and especially people who live in an alien confessional environment. It is also important to understand the influence of nationality on the choice and preservation of religious affiliation. Will examine these questions of the issue of religious-national mutual influence on the example of the East Slavic peoples (Russians, Belarusians, Ukrainians) who lived and live on the territory of Poland. We will try to understand whether it is possible to put an equal sign between the concepts of "Orthodox" and "Russian" in the studied historical contexts, and to call the Orthodox faith and the Church in these territories "Russian". The article examines the ethnoreligious dimension of the political context, in particular, the influence of state acts on the Orthodox Church and believers who lived in Poland in various historical periods. An attempt is made to identify the features of the relationship between the Orthodox religion and the Church as an institution with the process of preserving and modernizing the national identity of the East Slavic (Ukrainians, Belarusians, Russians) peoples of Poland. The analysis of its evolution during the XV-XXI centuries is carried out in changing geopolitical conditions (including the changes of borders).

Keywords: Poland; Polish Orthodox Church; state-church relations; Orthodoxy; national minorities; identity; stereotype

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Uriadova, Anna V. | E-mail: koukouch@mail.ru
Doc. Sc. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University, project VIP-018.

Восточнославянские народы Польши: религия и национальность (траектории пересечения в историческом контексте)

А. В. Урядова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-2-188-197
УДК 94(438):271.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Традиционным является представление, что религия – один из важнейших элементов в обретении и сохранении национальной идентичности. В современном мире это сопряжение претерпевает изменение в связи с формированием гражданской нации и гражданской религии. Не так давно появилась концепция, по которой и религия, и национальность – это идеологии. Вопрос о том, является ли религия определяющим, отличительным признаком нации волнует не только теоретиков. Он находит свое преломление в практической плоскости и жизни отдельных наций и народов, обретая особую актуальность в иноконфессиональной среде. Важно и то, насколько национальность влияет на выбор и сохранение конфессиональной принадлежности. В данной статье проблема сопряжения полей «религия» и «национальность» будет рассмотрена на примере восточнославянских народов (русских, белорусов, украинцев), проживавших и проживающих на территории Польши. Важно понять, можно ли в исследуемых исторических контекстах ставить знак равенства между понятиями «православный» и «русский», а православную веру и Церковь на этих территориях назвать «русскими». Рассматривается этнорелигиозное измерение политического контекста, в частности влияние государственных актов на православную церковь и верующих, проживавших на территории Польши в различные исторические периоды. Предпринята попытка выявить особенности взаимосвязи православной религии и церкви как института, с процессом сохранения и модернизации национальной идентичности восточнославянских (украинцы, белорусы, русские) народов Польши. Осуществляется анализ ее эволюции на протяжении XV–XXI вв. в изменяющихся геополитических условиях (в том числе в связи с изменением государственной принадлежности этих территорий).

Ключевые слова: Польша; Польская Православная церковь; государственно-церковные отношения; православие; национальные меньшинства; идентичность; стереотип

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урядова, Анна Владимировна | E-mail: koukouch@mail.ru
Доктор исторических наук, профессор

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-018.

© Урядова А. В., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Традиционным является представление, что религия – один из важнейших элементов в обретении и сохранении идентичности разными нациями (например, в Киевской Руси язычество, а для Московской Руси православие рассматриваются как один из главных факторов формирования единства этноса и государства). В современном мире это сопряжение претерпевает изменение в связи с формированием гражданской нации и гражданской религии. Не так давно появилась концепция, по которой и религия, и национальность – есть идеологии, что обуславливает их взаимодействие и взаимопроникновение. Вопрос о том, является ли религия определяющим, отличительным признаком нации, волнует не только теоретиков. Он находит преломление в практической плоскости жизни отдельных наций и народов, обретая актуальность и в иноконфессиональной среде. Насколько национальность влияет на выбор и сохранение конфессиональной принадлежности? В данной статье проблема сопряжения полей «религия» и «национальность» будет рассмотрена на примере восточнославянских народов (русских, белорусов, украинцев), проживавших и проживающих на территории Польши, чтобы понять, можно ли в исследуемых исторических контекстах ставить знак равенства между понятиями «православный» и «русский», а православную веру и Церковь на этих землях называть «русскими».

В некоторых районах Польши, например в восточных – в Подлесье, православие было традиционной религией. Изначально земли были частью Киевской Руси. В 1413 г. состоялся Городельский сейм, который изменил статус православия и православных в стране: юридически православие было поставлено ниже католицизма; его адептам преграждался доступ к высшим должностям, они лишались многих прав и привилегий, которыми пользовались католики [1, с. 22–23]. Обоснованием служило представление о том, что православные (русские) – значит «чужие» и они не должны знать государственные секреты. В 1563 г. на Виленском сейме большая часть дискриминационных пунктов была отменена. В XV–XVI вв. в районах, которые теперь входят в Люблинское, Белостокское и Жешовское воеводства, большая часть населения исповедовала православную веру. В официальных документах православие называли «русской верой» или «греческим законом».

Ситуация изменилась после принятия Люблинской унии 1596 г., увеличившей количество православного населения польских земель за счет Белоруссии и Западной Украины. Начались гонения на православных. Перешедшим в католичество давались льготы и допуск к государственным должностям, что особенно ударило по православной шляхте, которой надо было либо принять католичество, либо отказаться от всех сословных преимуществ. Тогда же была принята и Брестская уния. Начались переходы в греко-католическую церковь (униатство) или католичество. И, несмотря на борьбу части православных за веру и свои права, к концу XVII в.

большинство населения восточных областей Польши приняло униатство [2]. Теперь среди русских, белорусов и украинцев, проживавших в Польше, чаще встречались униаты и католики.

Не произошло существенных изменений в положении православных в Польше и после Четырехлетнего (Великого) сейма (1788–1792 гг.), занимавшегося выработкой средств возрождения Польши и провозгласившего религиозную свободу. В документах речь идет об «успокоении греческой религии». Но даже прописанные на бумаге положения в жизни практически не работали. Их важность заключалась скорее в признании возможности существования православия в Польше. До конца XVIII в. его оплотом были монастыри. «Без этих монастырей, – пишет Ф. И. Титов, – быть может <...> не имело бы сил и средств окрепнуть и развить то движение, которое известно у нас в истории под именем воссоединения западнорусских униатов, и, следовательно, Православие и русская народность в Западной Руси не могли бы так сравнительно быстро и легко восстать из того унижения и той подавленности, в каких они оказались во второй половине XVIII века» [3, с. 125]. Автор увязывает восстановление православия и русской народности.

Иная ситуация была в Сандомирском воеводстве первой Речи Посполитой, где в конце XVIII в. появились греческие православные купцы, спасающиеся от турецких преследований [4, с. 11]. Правительство не разрешало им открывать храмы, и богослужение совершалось в молитвенных домах. Священники приглашались из Буковины, Венгрии, Болгарии, Греции [5, с. 21]. До начала XIX в. православных было совсем немного: на 1824 г. – 747 человек [6, с. 35]. Большинство (90 %) из них составляли греки, в числе остальных преобладали русские, прежде всего военные, находившиеся на службе и временно проживавшие здесь вместе с семьями [7, с.138]. Ставить знак равенства между понятиями «православный» и «русский» на данных территориях применительно к данному периоду времени нельзя.

После разделов Польши часть ее территорий вошла в состав Российской империи. Царское правительство начало предпринимать активные действия по распространению и укреплению православия. Количество православных резко увеличилось, в том числе и за счет возвращения униатов в лоно Матери-Церкви. Так, в Брацлавской губернии на январь 1795 г., согласно докладу епископа Иоанникия Святейшему Синоду, «церкви все числом 1090 истекшего 1795 года декабря в последних числах к Православию присоединением окончены», то есть буквально за два-три месяца около полумиллиона униатов (1090 церквей) вновь присоединились к православию [8, с. 371–372]. В их числе были представители разных национальностей.

Православизация усугубляется после восстания 1830–1831 гг.: польская армия была ликвидирована и заменена русскими войсками (более 100 тыс. человек), прибыли российские чиновники, началось активное церковное строительство. Число русских военных и штатских в Польше постоянно росло (например, только в Сандомирском приходе накануне Пер-

вой мировой войны было более тысячи прихожан [9, с. 30]). Было построено около 200 православных храмов, создавались церковные институты (викариатства, епархии). В этот период большинство православных Сандомирского воеводства были русскими, причем пришлыми и временно пребывавшими на данной территории, а в Холмщине и Полесье была иная ситуация: среди православных преобладали белорусы и украинцы, постоянно проживавшие здесь.

Важным фактором, приведшим к изменениям религиозной ситуации в стране, стала ликвидация униатского обряда в 1875 г., в связи с чем оставшиеся униаты в большинстве своем перешли в православие (например, на Холмщине), что привело к многочисленным спорам, конфликтам и противоречиям. Даже Русская православная церковь, положительно оценивая ликвидацию униатского обряда, дистанцировалась от действий административного характера и применения жестких методов. Поскольку для некоторых униатов это был вынужденный переход, после указа Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. бывшие униаты перешли в католическую Церковь латинского обряда. В Королевстве Польском, по некоторым оценкам таковых было более 165 тыс. человек, из них 100751 – в Седлецкой губернии [10, с. 51]. В результате в 1893–1909 гг. доля православного населения в вышеупомянутой административной единице снизилась с 22,7 до 11,2 % [11, с. 31–32], что воспринималось как поражение политики российского государства, рост устремлений католической общины и усиление польской среды.

В годы Первой мировой войны началась массовая миграция из восточных районов Польши русских, белорусов, украинцев в глубь империи [12–13]. К тому же война привела к изменению дислокации русской армии. В результате резко сократилась и доля православного населения Польши. Возрождение самостоятельного Польского государства в 1918 г. с включением в него (по Рижскому договору 1921 г.) Западной Белоруссии и Украины привело к тому, что несколько епархий РПЦ оказались за границей. Власти и часть поляков, как и в прежние времена, воспринимали православие как наследие российского правления и его ограничение считали исторической справедливостью. Был предпринят ряд действий, таких как передача православных церквей католикам, их снос или использование не по назначению, давление на церковные структуры и внедрение механизмов полонизации, репатриация украинцев. Например, в г. Седльце собор Святого Духа был переделан в католический костёл, а в здании церкви-школы св. Леонтия – в университетские корпуса. Те, кого выселить не удалось, в ходе операции «Висла» были депортированы на северо-запад страны.

По инициативе польских властей местная церковь разорвала связи с Русской православной церковью, обратившись к Патриарху за получением статуса автокефалии, но он отказал. Обоснование было следующим: «По канонам автокефалия дается отдельным народам. Если бы поляки были

православными и просили для себя автокефалию, то, конечно, получили бы, но поработенным меньшинствам белорусов, русских и украинцев автокефалии дать нельзя» [14, с. 11; 15, с. 181], что свидетельствует о том, что представление «православный = русский (белорус, украинец)» в данный период являлось реалией.

В 1924 г. Константинопольский патриархат признал Польскую православную церковь автокефальной, она стала называться Польская автокефальная православная церковь (ПАПЦ). РПЦ признала эту автокефалию только в 1948 г. Главной предпосылкой автокефализации было стремление избавиться от русского наследия и влияния. Был изменен язык богослужения, расширено употребление польского языка в религиозной жизни, хотя допускалось и употребление церковнославянского.

В 1935 г. из 4,1 млн (по некоторым данным из 4,2 млн, то есть 16,8 % от общего населения страны) православных христиан в Польше 2 млн составляли украинцы, 1,5 млн – белорусы, 0,5 млн – поляки и 0,1 млн – русские [16, с. 137]. Проведение службы на церковнославянском воспринималось большинством верующих как культурная ценность, позволявшая сохранить национально-этническую идентичность, которая (в том числе) держалась на традиции употребления церковнославянского языка. Для восточнославянских народов религиозные традиции были важным фактором в сохранении национальной и даже национально-религиозной идентичности. Польские власти использовали вышеупомянутые инструменты именно для изменения этой идентичности – украинцы, белорусы, русские жили в Польском государстве, следовательно, должны были стать поляками если не этнически, то как представители гражданской нации.

В 1930 г. Польская католическая церковь возбудила дело о ревиндикации (возврате) имущества Католической церкви. Иск касался 700 церковных объектов (всего тогда в Польше было около 1500 православных приходов). Только 200 из них удалось отстоять. Немало храмов было разрушено. В 1935 г. было принято решение о превращении православной церкви в «инструмент распространения польской культуры на восточных землях», что проявилось в полонизации духовного образования, богослужения и управления. Идея была в следующем: если невозможно растворить православие в католицизме, то надо создать так называемое «польское православие».

1938 г. явился пиком террора и насилия над православным населением, особенно на Холмщине и в Подлесье, где большинство населения исторически исповедовало православие (там проживало около 250 тыс. православных). Храмы стали не только закрывать, но и разрушать: в течение двух летних месяцев 1938 г. было уничтожено 127 православных храмов [17].

Когда вышеизложенные меры не дали ожидаемого результата, православных, чьи фамилии имели окончания «ских», «ич» и другие, начали убеждать, что их отцы были поляками, следовательно, католиками, и ныне

их прямой долг вернуться к вере предков. К тому же в связи с предвоенной ситуацией стали распространяться слухи, что всё приграничное население Украины и Белоруссии не польской нации на 50 километров от польско-советской границы будет выселено вглубь, за исключением католиков. Вновь начался переход в католичество. Некоторые выпускники гимназий делали это из опасения быть лишенными аттестатов зрелости.

В 1938 г. был издан Декрет Президента Республики «Об отношении государства к Польской Православной Церкви», а Советом Министров был обнародован «Внутренний Статут Польской Автокефальной Православной Церкви». По этим документам Православная церковь в Польше, несмотря на провозглашение свободы во внутренней жизни и в общении с другими православными церквями, была поставлена в зависимость от власти государственной. В свете данного исследования важно выделить несколько моментов: утверждение в должности митрополита и епископов только польских граждан; изменение профессорско-преподавательского состава Православного Богословского факультета Варшавского университета, то есть налицо официальная полонизация Православной церкви.

С началом Второй мировой войны ситуация изменилась. Восточные области Польши были заняты Советским Союзом (юрисдикционно вошли в состав РПЦ). В послевоенный период некоторые территории (в значительно меньшем объеме) возвращены Польше, но в результате территориальных изменений и обмена населением с СССР ПАПЦ потеряла 90 % имущества. Церковные структуры нужно было возрождать практически с нуля. О тогдашнем состоянии Церкви свидетельствует тот факт, что в пределах польских границ остался только один монастырь в деревне Яблечна [18]. Политика польских властей, как и в большинстве социалистических стран, была направлена на ограничение религиозных обрядов и участия жителей в религиозной жизни. В то же время были предприняты усилия по маргинализации национальных меньшинств и связанных с ними институтов. Проходило это под лозунгом политического и морального единства нации. Национальность приравнивалась к гражданству, которое должно было стать механизмом ассимиляции.

Ситуация изменилась в связи с процессами демократизации Польши в 1980–1990-е гг. Большинство ограничений были сняты, объявлена свобода совести и вероисповедания, свобода отправления религиозного культа, запрещение дискриминации за религиозные убеждения, равноправие всех религиозных организаций и отделение Церкви от государства.

Довольно часто в повседневной жизни и даже в публичном пространстве православных христиан в Польше называют «русскими». Согласно последней переписи населения, проведенной в 2011 г., здесь проживает 13046 русских, русскоговорящих чуть больше – 20000 человек [19]. По данным той же переписи 156 тыс. человек заявили о своей принадлежности к православной церкви. ПАКП заявила, что количество веру-

ющих составляет 504 тыс. человек [20]. Число православных и русских (даже русскоговорящих) существенно различается, что демонстрирует отсутствие тождества между этими понятиями. К тому же, как отмечалось ранее, не все русские, белорусы и украинцы исповедуют православие. Поэтому на данный момент положение «православный равно русский» является не более чем стереотипом. Он существует главным образом на территориях, где в XX в. произошла коренная смена религиозной структуры, в результате которой православное население стало маргинальным (большая часть восточной Польши). Этот стереотип отмечается и в других регионах, но там он не такой эмоционально-устойчивый [21, с. 164]. Стереотип «православный – русский» вызывает в Польше негативные коннотации, что, в свою очередь, ведет к отсутствию доверия. Сегодня стереотипы «поляк – католик», «белорус, русский или украинец – православные» устарели.

Одним из показателей национально-религиозной идентичности является язык. Уже после президентского декрета 1938 г. официальным языком церковных властей и их учреждений стал польский. Начался перевод на польский язык книг Священного Писания, богослужебных книг и творений святых Отцов Церкви. Сокращение использования русского языка в церковной жизни было следствием не только полонизации, но и изменения национального состава православных. С 1970 г. русский перестал быть языком обучения в Варшавской семинарии [22, с. 199]. В 1991 г. Президентом Польши был подписан «Устав об отношении Государства к Автокефальной Польской Православной Церкви», в котором отмечалось: «Церковь в своем внутреннем служении употребляет язык старо-церковно-славянский и родные языки своих последователей». Это была констатация того, что уже произошло в самой Церкви – литургия шла на церковнославянском, хотя параллельно с этим в церкви использовались и другие славянские языки (иногда даже несколько языков вместе). Из 430 приходов Польской православной церкви лишь в нескольких (не более десятка) служба идет на польском, в остальных – на церковнославянском, но с частичным использованием польского. Например, читают по-польски Апостол и Евангелие, произносят некоторые ектении, проповедь идет на польском языке. В Церкви объективно происходит полонизация, поскольку новое поколение верующих уже ассимилировалось и плохо знает белорусский, русский или украинский [23].

Еще один важный момент – состав священнослужителей. В нашем распоряжении нет данных об их национальности, но лингвистический анализ их фамилий может служить источником получения определенной информации: до начала XX в. примерно в равной пропорции встречаются русские, белорусские, польские фамилии, в меньшей степени – украинские. К сожалению, до сих пор не изучены церковные метрические книги польских православных приходов, по которым также можно было бы проследить динамику изменения состава верующих и ее региональную специфику.

Можно ли говорить о совпадении религиозной (православной) и национально-этнической (белорусской, русской, украинской) идентичностей? Вышепредложенный исторический обзор свидетельствует о том, что в разные периоды ситуация складывалась по-разному, и далеко не всегда это совпадение наблюдалось. Во-первых, не везде православные церкви основывались как часть РПЦ, их создание в центральных районах Польши было связано с греческим православием. Во-вторых, несовпадение данных о количестве православных и восточнославянских народов на территории Польши еще раз подтверждает не идентичность этих социальных групп. Однако зачастую в политике и в бытовом восприятии часто срабатывает стереотип «православный равно русский», поэтому русофобия приводит в том числе к борьбе с православием, закрытию православных церквей. В-третьих, наблюдается использование не только традиционного церковнославянского, но и других языков для богослужения, внутренних документов и обучения в церковных учебных заведениях. Поэтому на сегодняшний день можно говорить, с одной стороны, о таком явлении, как множественная идентичность; с другой (учитывая процессы ассимиляции) – о появлении новой идентичности – «православный поляк», при этом поляк именно как представитель гражданской нации.

Ссылки

1. Беднов В. А. Православная Церковь в Польше и Литве. Екатеринбург: тип. С. И. Барановского, 1908. 511 с.
2. Коялович М. Литовская церковная уния. СПб: тип. Н. Тихменева, 1859. Т. 1. 316 с.
3. Титов Ф. И. Русская Православная Церковь в Польско-Литовском государстве в XVII–XVIII вв. Т. 3: Заграничные монастыри Киевской епархии в XVII–XVIII вв. Ч. 1: Общие сведения о заграничных монастырях Киевской епархии в XVII–XVIII вв. Киев: тип. С. В. Кульженко, 1916. 172 с.
4. Antosiuk J. Radomskie prawosławie. Radom : Stowarzyszenie Oświatowe “Sycyna”, 2004. 105 s.
5. Sławiński P. Parafie prawosławne w Opatowie 1778–1915. Sandomierz: Wydawnictwo Mandragora, 2006. 90 s.
6. Mironowicz A. Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2005. 390 s.
7. Венглевич В. В. Православные приходы на территории Королевства Польского в XIX веке (на примере городов Радомской губернии) // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2015. № 13. С. 137–147.
8. Коялович М. История воссоединения западно-русских униатов старых времен. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1873. 400 с.
9. Sławiński P. Prawosławie w Sandomierzu i okolicy. Sandomierz: Warszawska Metropolia Prawosławna, 2008. 208 s.
10. Barwiński M. Podlasie jako pogranicze narodowościowo-wyznaniowe. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. 2004. 186 s.

11. Cynalewska-Kuczma P. Architektura cerkiewna Królestwa Polskiego narzędziem integracji z Imperium Rosyjskim. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 2004. 231 s.

12. Фіонік Д. Беженство. Дорога і повороти 1915–1922. Bielsk Podlaski : Музей Малэіі Батькувшчыны в Студзіводах, 2015. 224 с.

13. Prymak-Oniszk A. Bieżeństwo 1915. Zapomniani uchodźcy. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne, 2016. 368 s.

14. О Польской Православной Церкви // Церковные ведомости. 1923. № 9–10. С. 11–12.

15. Резолюция Святейшего Патриарха Тихона на прошении, поданном польским поверенным в делах в Москве, о даровании прав автокефалии Православной Церкви в Польше. 1921 год // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. 1063 с.

16. Mironowicz E. Polityczne uwarunkowania funkcjonowania Kościoła prawosławnego w Polsce w latach 1920-1939 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2005. № 24. S. 117–152.

17. Сайт: Акция бурzenia cerkwi prawosławnych na Chełmszczyźnie i Południowym Podlasiu. URL: <http://cerkiew1938.pl/> (дата обращения: 06.02.2022).

18. Бобрик А. Значение Свято-Онуфриевского Яблочинского Монастыря для религиозной жизни православной общности в Польше // На пути к свободе совести. Брест: БрГУ, 2006. С. 22–32.

19. Bobryk A. Attitudes towards the Mother Tongue as an Identity Manifestation of National and Ethnic Minorities in Poland // Identities of Central-Eastern European Nations / ed.: V. Yevtukh, A. Wysocki, G. Kisla, A. Jekaterynczuk. Kyiv: Institute of Sociology, Psychology and Social Communications of National Pedagogical University M. P. Drogomanov, Institute of Sociology Maria Curie-Skłodowska University in Lublin, 2016. С. 190–192.

20. Siwicki P. Grekokatolicy i prawosławni w Polsce w świetle wyników spisu powszechnego z 2011 r. URL: <https://www.ekumenizm.pl/koscioly/wschodnie/grekokatolicy-i-prawoslawni-w-polsce-w-swietle-wynikow-spisu-powszechnego-z-2011-r/> (дата обращения: 06.02.2022).

21. Бобрык А. Восприятие православных в Польше как русских // Трансформация исторической памяти в региональном пространстве: коллективная монография / под ред. А. В. Урядовой. СПб.: Реноме, 2021. 149–173.

22. Urban K. Kościół prawosławny w Polsce 1945–1970. Kraków: Nomos, 1996. 412 s.

23. Bobryk A. Narodowościowy aspekt języka Liturgii w Polskiej Autokefalicznej Cerkwi Prawosławnej // Konstrukcje i destrukcje tożsamości. T. 1: Wokół religii i jej języka / ред. E. Golachowska, A. Zielińska. Warszawa: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk, Fundacja Sławistyczna, 2011. S. 121–133.